
Ирина
ЛИСОВСКАЯ
СОЛНЕЧНАЯ
Будешь моей!

Ирина Лисовская
Солнечная. Будешь моей!

https://litres.ru/73486999
SelfPub; 2026

Аннотация

— Продай мне свой абсурдный отель, — противно жужжит на всю кухню бывший муж, как неисправный миксер.

— «Солнечная Долина» не продается, — отрезаю я, словно отвешиваю пощечину.

— Дважды предлагать не буду, — напирает, а в глазах сплошное равнодушие. — Никогда и ни за что ты не получишь мою экоферму!

— Что ж, — он поднимается и бросает с ядовитой усмешкой: — Подожду твоего краха и выкуплю тут всё за три копейки.

После измены и болезненного развода всё, чего я хотела, — это наслаждаться спокойной жизнью на созданной мною ферме. Чего я не могла предвидеть, так это появления в моей судьбе строительного магната Марка Дорошина. Холодный и равнодушный на вид, он протянул мне руку помощи в самое темное время. Уверенно схватившись за его ладонь, я и не догадывалась, что любовь снова постучит в мою дверь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ирина Лисовская
Солнечная. Будешь моей!

Аннотация:

– Продай мне свой абсурдный отель, – противно жужжит на всю кухню бывший муж, как неисправный миксер.

– «Солнечная Долина» не продается, – отрезаю я, словно отвешиваю пощечину.

– Дважды предлагать не буду, – напирает, а в глазах сплошное равнодушие. – Никогда и ни за что ты не получишь мою экоферму!

– Что ж, – он поднимается и бросает с ядовитой усмешкой: – Подожду твоего краха и выкуплю тут всё за три копейки.

После измены и болезненного развода всё, чего я хотела, – это наслаждаться спокойной жизнью на созданной мною ферме. Чего я не могла предвидеть, так это появления в моей судьбе строительного магната Марка Дорошина. Холодный и равнодушный на вид, он протянул мне руку помощи в самое темное время. Уверенно схватившись за его ладонь, я и не догадывалась, что любовь снова постучит в мою дверь.

Глава 1

Соня

Не думала я, что спустя три года брака моя жизнь так стремительно полетит к черту.

Если бы кто-то еще вчера сказал мне, что я проведу сегодняшний вечер, заливая горечь предательства дешевым коктейлем в прокуренном баре, я бы просто рассмеялась этому человеку в лицо. Но вот я здесь. Сижу у стойки, сжимая пальцами ледяной бокал, и даже не пытаюсь делать вид, будто у меня все в порядке. Вокруг пульсирует музыка, кто-то смеется, а внутри меня – выжженная пустыня.

Игорь, чтоб тебя завтра собаки покусали!

Он не просто предал меня. Он сделал это настолько банально, что впору аплодировать стоя. Мой муж оказался «человеком широкой души», которой, как выяснилось, хватило не только на меня, но и на младшую стажерку в офисе, и еще бог знает на кого. Список в его телефоне напоминал каталог сомнительных услуг. Я никогда не имела привычки рыться в его гаджетах, но вчера будто само провидение подтолкнуло меня заглянуть в оставленный на столе айфон.

Краем глаза зацепила всплывшее уведомление: *«Котик, ты скоро свалишь от своей крысы-жены? Я уже в кроватке и дико скучаю!»*

Зная пароль, я разблокировала экран и… Наверное, луч-

ше бы я этого не делала вовсе. Игорь даже не пытался шифроваться. Все девицы были подписаны согласно их «заслугам». «Вика – твердая четверка», «Валя – укротительница кочанов», «Милана – богиня кровати»…

Меня передергивает от одного воспоминания об этой мерзости. Последняя переписка со стажеркой была самой «яркой»: они две недели обменивались пикантными фото, и на девице с каждым разом становилось все меньше одежды.

А дальше всё как в бреду: крики, звон разбитой вазы, едкие упреки. В порыве ярости я даже постирала вещи Игоря… в унитазе. Просто чтобы хоть как-то выплеснуть злобу, которая вскипала в крови, заставляя виски пульсировать.

Но «вишенкой на торте» стал наш утренний разговор.

– Давай разведемся, – бросила я ему, стараясь, чтобы голос не дрожал. Пальцы сами собой сжались в кулаки. Во мне не осталось ни любви, ни доверия. Всё сожрала та самая «злобная крыса», которой они меня считали.

Но Игорь лишь прищурился, как ядовитая змея, и выплюнул:

– Хоть понимаешь, что мои адвокаты тебя разденут догола? Еще и компенсацию потребуют за моральный ущерб.

– С чего бы это? – я попыталась отбить атаку, но его угрозы били наотмашь. – А с того, Сонька, что я – наследник империи Волковых. А ты – никто. Вчерашняя нищая студентка.

– Но это ты мне изменял! – закричала я на весь дом, чувствуя, как по коже липкой улиткой ползет осознание неспра-

ведливости.

Я не хотела уходить с пустыми руками. Мне была нужна хоть какая-то сатисфакция. Мы три года строили этот быт, как-никак что-то нажили вместе!

– Твое слово против моего, – ухмыльнулся этот кретин, уже празднуя победу.

Я чувствовала, как гасну внутри, словно перегоревшая лампочка. Горькая истина жгла: на его стороне деньги, связи, лучшие юристы и власть. А я? Действительно, просто девчонка, когда-то выигравшая грант на обучение. А теперь без гроша за душой и с кем я пытаюсь воевать?

И всё же я не собиралась отступать. Ярость внутри меня звенела, требуя ответов. Мы же любили друг друга! В университете на нас смотрели с завистью, мы были «золотой парой», но куда всё делось? Смылось в унитаз вместе с его верностью?

– Черт, Игорь, зачем ты вообще на мне женился, если изначально собирался ходить налево?! – выпалила я, едва сдерживая желание разнести всё к чертям.

Но в этом роскошном доме не было ни единой моей тарелки, которую я могла бы разбить без последствий.

– Несмотря на твой низкий статус, ты понравилась моим родителям. Воспитанная, гордая, покладистая, – каждое его слово било, как хлыст. – Они решили, что ты будешь идеально смотреться в роли покорной и милой жены. Но я не обязан быть тебе верным. Мужчины по природе охотники,

им нужна свежая добыча, понимаешь? Думаешь, мой отец святой? Ха! Но мать терпит и закрывает глаза, потому что развод для нее – это крах.

На миг мне показалось, что я ослышалась и это какой-то дурной сон.

Игорь посмотрел на меня с ледяным превосходством и подвел итог:

– Так что ты выберешь, Сонь: дальше жить в роскоши, закрыв рот, или потерять всё за один миг?

Кажется, выбор очевиден, и муж уже ехидно тянет уголок рта. Только правда из моих уст слишком больно бьет его дубинкой по голове:

– Я лучше лишусь всего, чем молчаливо буду терпеть всех твоих любовниц. Ты противен мне настолько, что скорее меня стошнит, чем я смогу снова лечь с тобой в постель.

– Хорошо подумала? – злится, судя по покрасневшей роже, но слова бросает равнодушно, как если бы мы обсуждали, какое блюдо приготовить на обед. – Я не просто у тебя отберу всё. Я тебя уничтожу. Растопчу, как слон букашку. Из семьи Волковых уходят только с «волчьим билетом», так что найти приличную работу даже не надейся.

Возвращаясь мыслями в настоящее, горько улыбаюсь пустому бокалу. Иронично, но я выбрала «волчий билет». Ушла, громко хлопнув дверью, в никуда.

И вот теперь я, София Богдановна Левченко, двадцати пяти лет, без детей и с тонной иллюзий, сижу в баре, рассмат-

риваю мужчин вокруг себя, будто листаю каталог женихов в элитном агентстве. Разбираю их слишком детально, как эксперт в области разочарования. Но со стойким желанием отомстить муженьку его же монетой, пока мы еще в браке.

Первый – типичный айтишник. Стильный, в худи трендового шоколадного цвета, а на столе энергетик и макбук. Не пьет, даже не дышит, а усердно кодит, сгорбившись над клавиатурой. Ну серьезно? Чувак, ты пришел в бар за халявным вай-фай? Стыдоба! Передергиваюсь и мысленно открещиваюсь. Нет, хватит, один «хакер» уже взломал мою самооценку, и теперь она ниже плинтуса.

Второй – любитель спортзала. Каждое его движение – это демонстрация бицепсов на зависть сидящим вокруг «дохлякам». Зачем, спрашивается, напялил на себя водолазку меньше на два размера? Да она же трещит на его теле по швам! Миленько, конечно, но нет. Это уже перебор. Чувак тут явно на свидании с собственным раздутым эго.

Третий на вид – типичный «не разведен, но спим в разных комнатах, имею ипотеку и собаку». Сидит, пьет пиво и неотрывно смотрит в пустоту, будто она ему денег должна. Усмехаюсь от понимания, что в моем собственном каталоге разочарований всё стабильно.

Но стоит только скользнуть взглядом дальше, как замираю с отвисшей челюстью. А вот это уже что-то интересное. Словно pro-версия для купивших подписку! Взрослый мужчина, лет на десять меня старше, а может, и больше. Сидит

в тени, явно прячась от всего мира. Не пьет, просто вертит стакан в руках, чтобы снять напряжение после рабочего дня. Широкие плечи, темная рубашка, рукава дерзко закатаны, и на левой руке – наручные часы, что поблескивают в отражении искусственного света под потолком. Профиль лица резкий: грубая линия скулы, чуть искривленный нос и пухлые губы на зависть многим женщинам. Сидит еще так… дерзко-расслабленно, словно хозяин в этом баре. Держится манерно. Холодно. Расчетливо.

Моргаю, и в голове зависает только одна мысль: «Вау!». Кажется, жертва найдена.

Голос совести тут же тихо попискивает, что я, вообще-то, приличная женщина и подкатывать к мужикам в баре – моветон. Но сразу вспоминаю наглую рожу Игоря, и не осознаю, что ноги уже несут прямиком к незнакомцу. К черту всё! Гулять так с музыкой.

– Эй, красавчик, свободен? – подмигиваю наглецу, а он оценивающе проходится глазами по моей фигурке. – Уединимся? – выпаливаю, пока во мне горит уверенность.

Его глаза горят ярко, как огни на темном участке дороги, но в них стоит непоколебимая жесткость, что заводит похлеще флирта. Едва он фокусируется на моем лице, замечаю, как в омутах мужчины мгновенно взрывается, подобно салюту, азарт. Ага, есть контакт!

Бессовестно усаживаюсь рядом за барную стойку, расценивая молчание за приглашение. Я уже немного навеселе, и

мне всё равно, кто и что обо мне подумает.

– Свободен, – тянет с иронией, вскидывая бровь. – В отличие от некоторых.

Кивком головы указывает на мой безымянный палец, на котором всё еще надето кольцо, как клеймо на всю жизнь.

– Ах, это… – прокручиваю украшение, которое не решилась снять ранее. – Это уже не проблема.

Долбаный Игорь! Долбаная любовница-стажерка! Да катитесь вы оба! Снимаю кольцо и швыряю куда-то за барную стойку без сожалений или угрызений совести. Но успеваю подметить алчный взгляд бармена на халявное золотишко.

– Даже так… – мужчина щурится, я же беззастенчиво улыбаюсь ему, пытаясь склеить. Боже, дожила! В баре поздней ночью ищу себе приключений на задницу.

Мужчина смотрит на меня слишком долго и пристально – так, будто взвешивает, стою я того или нет. Но я непоколебима и вдохновлена двумя выпитыми ранее бокалами игристого. Оно плещется сейчас внутри, задорно играя пузырьками по нервным окончаниям, толкая на греховные поступки. Повисает неловкость, ее можно уже ножом разрезать, как торт. Выпаливаю на автомате, протягивая ладонь:

– Соня.

– Марк, – хмыкает в ответ и пожимает лишь мои пальчики.

Дергаюсь так резко, будто схватилась за оголенный провод. Миг. Глаза в глаза. Его – цвета молочного шоколада, так

и манят к себе, затягивая в порочные сети. Напряжение искрит вокруг нас, только мужчина и вида не подает. Но говорит с коварной усмешкой, словно понял, почему я выбросила кольцо:

– Мужики те еще уроды.

– А ты? – парирую, на что он равнодушно пожимает плечами.

– А я урод с принципами.

Глава 2

Боже, и почему это звучит сексуальнее, чем должно? Загораюсь от его честности, как светофор, и слишком очевидно моргаю зеленым светом.

Марк улавливает посыл, склоняется ближе – настолько, что запах его парфюма бьет в нос. Тяжелый, с древесными нотками, обволакивающий, словно он собирается укрыть меня собой. Делаю один-единственный рваный вдох и тяжело сглатываю.

– Так что, уединимся? – напоминаю, словно мужчина страдает провалами в памяти.

Марк поднимает бровь: опасно и хищно, но заинтересованно. Наверное, все еще оценивает, стоит оно того или нет.

Я уже сама ни в чем не уверена, мозг работает плохо, окутанный туманной дымкой, но стоящая перед глазами измена мужа добавляет решительности. Уверенно стискиваю пальцы в кулаки и киваю сама себе, будто подписываю смертный приговор. Кому только: себе или изменщику-мужу?..

Всего секунда колебания, и я вдруг оказываюсь тесно прижатой к горячему телу. Марк делает это настолько профессионально, словно тренировался долгие годы – даже стул подо мной не пошатнулся. Что ж, если мужик пикапер – так даже лучше. Проще будет уйти утром без сожалений.

Пока я в объятиях чужого мужчины, все смешивается в

одно пятно: страсть, боль, азарт и, конечно же, месть. Она стоит в моем списке на первом месте. Умру, если не утру Игорьку нос!

Наконец Марк принимает решение: спешно расплачивается и, хватая меня за талию, уверенно уводит с собой. Покидаем бар торопливо, видимо, моему спутнику так же не терпится, как и мне.

Машину он ведет быстро, но твердо, проворачивая руль на поворотах лишь одной ладонью. Это внезапно… заводит меня буквально с пол-оборота. Сгораю от страсти, что уже бурлит в венах, и, пока едем, пристально наблюдаю за мужчиной.

Марк излучает ауру силы и несокрушимости, а так же жесткости и циничности. Он хорош собой, но не как модель с глянцевого журнала. У него та самая брутальная харизма, что сводит женщин с ума.

В итоге тормозим у отеля, но прежде чем выйти, он дает мне выбор:

– Заметь, насильно я тебя в номер отеля не тащу.

С коварством, что плещется в крови, спешно хватаю брутального мужика за галстук и нахально тяну на себя. Он подчиняется, но глаза буквально пылают от желания наказать непослушную женщину.

– Меньше слов, больше дела.

Осознаю происходящее, только когда за нами с громким стуком запирается дверь номера. Марк подкрадывается сза-

ди, его руки ложатся мне на талию, чуть сдавливая и прижимая к себе. Горячее дыхание уже щекочет кожу на шее, отчего мурашки прокатываются по телу. Где-то на задворках крутится мысль, что я совершаю ошибку, но все сомнения растворяются в тот миг, когда его крепкие руки срывают с меня одежду.

Со стоном отдаю себя во власть незнакомцу без стеснения, но слезы всё равно скапливаются в уголках глаз. Не такой я себе представляла семейную жизнь, но Игорь не оставил мне выбора.

К счастью, Марк не видит моей слабости, от которой подгибаются колени. Он напорист и страстен, умело находит те самые точки, от которых тело выгибается навстречу. Всё искрится так, что можно смело разжигать костер.

Забываюсь в объятиях, тону в ощущениях, которые дарят и его руки, и губы. Бессовестно ныряю в удовольствие, оставляя измену Игоря за бортом собственной жизни. Изменяю ему так же бесстыдно, как и он мне много раз. Только с одной огромной разницей – я уже подала на развод, и, можно сказать, считаю себя свободной.

Плевать на мнение окружающих. Насрать на то, что скажут близкие. Я бы всё могла простить, но измену – никогда! Изменяют либо много раз, либо ни разу. Что муж и доказал на практике.

Марк словно считывает меня как открытую книгу, когда напирает сильнее. Наверное, чувствует, что мысленно я где-

то далеко от номера отеля. Мужчина для меня сейчас как анестезия, чтобы заглушить в голове слова Игоря.

И он слишком, черт подери, искусно он затмевает собой все мои проблемы. Он правда опытен, действует не банально, не на одних лишь природных инстинктах, сразу беря то, что преподносят на блюдечке. Он действует тоньше, играя на женском теле, как на гитаре, – приятную мелодию, от которой подгибаются пальчики на ногах.

В его действиях есть всё: страсть, нежность, дикость, напористость, но нет искренности, которая могла бы пробраться прямиком в душу, вывернув ее наизнанку. Но этого нет и у меня, поэтому мы просто наслаждаемся друг другом, возносясь на пик наслаждения.

Марк

Я еще не проснулся до конца, но уже понимаю, что кто-то шуршит рядом, пытаясь незаметно сбежать, как воришка.

Не открываю глаз, даже не шевелюсь, потому что становится интересно до зуда во всем теле. Мягкие шаги, шуршание одежды и, как мне кажется, нервное рысканье руками по прикроватной тумбочке. Ну логично, шмотки свои собирает, боясь оставить хоть одну улику. Тихо ухмыляюсь – естественно, про себя. Давай, пташка, улетай, я не держу.

Хотя… черт, при других условиях удержал бы – слишком уж упоительной оказалась ночь. Такой страстной и жаркой, что я даже забылся на время: где и с кем нахожусь в одной постели.

Азарт просыпается во мне совершенно не вовремя, еще до того, как нервная девица успевает сбежать. Усаживаюсь на кровати и лениво наблюдаю за хаотичными движениями Сони. Она все еще думает, что я сплю, поэтому выглядит настоящей: испуганная, робкая, трепещет от страха и передвигается только на носочках.

Целую минуту тупо пялюсь, как она подрагивающими пальцами застегивает сережку, прикусывая губу, лишь бы… не расплакаться?

А вот это интересно. Жалеешь, Волкова? Сама захотела, я тебя насильно в постель не тащил! Почему, собственно, тебе так остро захотелось изменить мужу? В этом явно кроется какой-то смысл!

Вспоминаю, с чего всё началось…

Когда вчерашней ночью я увидел её в баре, знатно охренел. Не сразу заметил Соню, но мой помощник, что десять минут занудно зудел над ухом о проблемах в компании, вдруг тихо присвистнул:

– Офигеть, это же жена Волкова, да?

Ну вот тогда я и уставился на нее, как голодный зверь на кусок мяса. Реально, жена Игоря Волкова – ненавистного конкурента, который на днях увел у меня землю под проект парка. Я вынашивал идею целый год, искал участок, выбивал разрешения, черт возьми! Сделал всю черновую работу, а Волков отнял землю на тендере с омерзительной улыбочкой. Такой перспективный кусок у меня оттяпал, что злюсь

до потемнения в глазах.

– Свали, – командую помощнику.

Тот обиженно бурчит, как баба, которую обломали с покупкой сумочки:

– Вот и жертвуй своим временем ради босса!

– Двигай уже, меньше драмы. У меня созрел план, как насолить Волкову.

Он понимает меня без лишних слов:

– С ней, что ли? – хмыкает, бросая на Соню равнодушный взгляд. – Ну, удачи, босс. Слышал, она мужиков от себя гоняет, как мясник бродячих псов от прилавка.

Смеряю помощника тяжелым взглядом, указывая направление, куда его пошлю прямо сейчас.

– Удачи желают неудачникам.

Наконец он валит, а я фокусируюсь на Волковой. Сидит одна за столиком, уже навеселе, в красном платье, которое так и кричит, что его хозяйка пришла наделать глупостей. Горячая, аж слюни текут. Сексапильная, но дерзкая и злая – одними глазами может поджечь тут всё к чертям.

Отворачиваюсь за секунду до того, как она скользит по мне взглядом. Не узнает: лично мы никогда не пересекались, но вдруг? Смотрит на меня слишком долго, но в итоге подходит и усаживается рядом.

Мысленно ухмыляюсь её неумелым попыткам меня соблазнить, но стойко делаю вид, что заинтересован. В конце концов, я не святой, а она сама лезет. Кольцо с какого-то ле-

шего выкинула, будто готова разрушить за ночь со мной что угодно, даже свой брак. Как примитивно.

Не придал этому значения вчера – я шел сугубо за местью Волкову, но, кажется, где-то просчитался. Использовать жену, чтобы позлить муженька – это ладно, в бизнесе и не такое случается. Ничего личного, но…

Внезапный звон ключей, упавших на пол, звучит в тишине номера как раскат грома. Соня дергается, стонет, и прежде чем наклониться за ними, встречается со мной взглядом.

И что я вижу, черт возьми? В глазах стоят гребаные слезы и плещется неподдельный испуг. А правильно ли я поступил, нагло использовав её в своих эгоистичных целях? Я же просто ненавижу Волкова и его методы ведения бизнеса…

Дорошин, с ума сошел? Эта девица замужем, сама пришла, первая предложила – какого лешего ты себя винишь? Девчонка тоже не святая.

– Убегаешь, Соня? – иронизирую, кивая на обувь в ее руках и сумочку под мышкой.

Она дергается, как машина на неправильной передаче, но быстро берет эмоции в кулак:

– Думаю, нам стоит забыть наше знакомство.

Глава 3

Трезво. Рассудительно. И я правда хочу ляпнуть: «Да как скажешь», и забыть ее, как всех предыдущих баб. Но язык не поворачивается. Мешает что-то, может, ком застревает в горле или на меня нападает голосовой паралич. Но явно не из-за того, что смотрю на нее, такую растрепанную, взъерошенную и с покрасневшими глазами. Настоящую, с неподдельными эмоциями. Живую – так, что аж в груди царапается дикий зверь, прорываясь прямиком через густые заросли к сердцу.

Ну что тут сказать – нравится она мне. Как внешне, так и в постели.

Вот черт, Соня, где ты была, когда я еще верил в искренность женщин? Сейчас не верю ни одной, и тебе в том числе. Скользкая ты, Волкова, и хитрая, как лиса.

Просто молчу, и она тоже. Напряжение в номере такое, что, кажется, чиркни спичкой – и всё взлетит на воздух. В итоге Соня громко шмыгает носом, неловко касаясь щеки и стирая упавшую слезу. Выдавливает из себя, будто на последнем дыхании:

– Спасибо за… компанию.

В этот момент я непроизвольно подаюсь вперед, будто хочу перехватить её за тонкое запястье и не пустить к двери. Но пальцы сами собой сжимаются в кулак, впиваясь в просты-

ню так сильно, что костяшки белеют, а ткань жалобно трещит. Хочется рявкнуть, остановить её, сказать что-то… что угодно, лишь бы она не уходила с таким выражением лица, будто я её только что собственноручно уничтожил. Но я замираю. Голосовые связки будто онемели, не давая вырваться ни единому звуку.

Девица сразу скрывается за дверью, оставляя после себя двоякое впечатление. Да, я отомстил Волкову, но почему нет больше прежней уверенности? Вчера я себе так красиво придумал, как в самых сочных красках расскажу рогоносцу, что вытворял с его женой. И сразу представил, как упоительно буду смаковать злость на лице Игоря, как после уйду с ликованием и чувством собственного удовлетворения.

А сейчас гляжу на захлопнувшуюся дверь и просто… машу рукой. Нет. Такая месть совершенно не годится.

***

– Да почему именно сейчас?! – рычу в отчаянии, стоя на обочине возле своей тачки.

Между полем, в котором, кажется, пасется баран, и дорогой, по которой за последние двадцать минут прошла лишь одна долбаная корова. А моя дорогущая, но такая ненадежная машина тупо решила, что ей, как и мне, пора отдохнуть от работы.

– Ну спасибо, – ругаю её и с досадой бью носком ботинка по колесу. – Ты не могла потерпеть хотя бы до нормального населенного пункта?

Если бы кто-то сказал мне, что однажды я окажусь в глубокой заднице цивилизации, где даже навигатор молит о пощаде, – я бы посмеялся от всей души. Но что мы имеем? Я в глуши, связи ноль, а из-под капота валит белый дым. Такой густой, что я почти надеюсь увидеть, как из облака выйдет Джинн и спросит: «Чего желаете, хозяин?». И я бы такой: «Новый двигатель и тонну душевного спокойствия». Но, увы.

Вместо этого бегаю как идиот от дерева к дереву с высоко поднятой рукой, ища хоть какие-то проблески связи. Дорогая кожа туфель, за которые я отдал целое состояние, на глазах покрывается слоем серой пыли, а солнце печет так, будто решило поджарить меня заживо прямо здесь, среди коровьих лепешек. Да где я, черт подери?

Тачка, что едет прямиком ко мне, сначала кажется миражем в больном воображении. Но когда она останавливается и оттуда вываливается пухлый мужичок, я на радостях забываю обо всем.

– Мужик! – ору, махая рукой, чтобы он не свалил раньше времени.

Подбегаю как раз в тот момент, когда он с сочувствием рассматривает дым, всё еще валящий из-под капота. Качает со вздохом головой, но я и сам понимаю – дело труба.

– Тут есть поблизости автосервис? – выпаливаю обреченно.

Кивает с усмешкой, уже протягивая мне трос для букси-

ровки. Как оказалось, автосервис тут один. Но когда мы приезжаем и я осматриваюсь, тупо стону от неверия. Это не сервис, а самая настоящая собачья будка, где старик с усами, похожими на две поникшие гусеницы, ковыряется в настолько древней тачке, что, по моим расчетам, на ней еще в прошлом веке нужно было поставить крест. Выбора нет, доверяю ему свою ласточку, скрепя сердце.

Посмотрев оценивающе, дедок ляпает совсем не то, что я ожидаю услышать: – Оставляй, завтра-послезавтра починю.

Завтра. Или послезавтра. Плечи опускаются от безысходности, а мое душевное спокойствие, не выпрошенное у Джинна, летит прямиком в пропасть. Тонкая рубашка уже неприятно прилипла к спине, а воротник давит на горло не хуже удавки.

– А где мне тут… – спрашиваю, уже морально отключаясь от реальности, – переночевать?

– Тебе как: с комфортом или сарай сойдет? – смотрит глумливо и пальцем поправляет левый ус.

– С комфортом! – стону, уже представляя себе халупу на курьих ножках.

– Есть тут ферма… как там Сонька ее называет… это… эко… – щелкает пальцами, но вспомнить слово не может. – Ай, короче. Мини-отель «Солнечная Долина».

Не слушаю остаток, цепляю важное – отель! Хоть что-то приятное за последние несколько часов.

– Это всё понятно, а как мне такси вызвать? – кручу теле-

фон в руке, но сети по-прежнему нет.

– Такси, – смеется старик и тут же добавляет с юмором: – Такси тут такой же миф, как и качественный асфальт от мэра.

Дороги тут и правда такие, что даже ад бы позавидовал. Хватаю сумку и, оставляя старику ключи, плетусь пешком в отель. Уже на половине пути проклинаю всех на свете: и свою командировку, в которую зачем-то лично напросился, и тачку, и деда из автосервиса, сказавшего, что тут идти пять минут.

– Я уже час плетусь! – посылаю недовольство прямиком в космос, и, о чудо! Мои молитвы услышаны – впереди красуется вывеска «Солнечная Долина».

Билборд обещает мне пятизвездочный отель и комфортный отдых. Я уже представляю себе прохладу кондиционера и вышколенный персонал, но реальность бьет под дых. Прохожу вереницу домов и наконец выхожу на главную дорогу. Ну, дорогой её можно назвать с натяжкой, но всё же асфальт тут есть.

И хоть убей, не вижу отеля. По указанному адресу, за низким забором, просто белый двухэтажный дом с верандой. Да, красивый. Согласен, лучший из всех, что я видел в этом богом забытом месте. Но на пять звезд он тянет так же, как этот поселок – на Лазурный берег.

Чувствую, как внутри закипает бешенство. Пять звезд? Комфорт? Передо мной обычный частный дом. Я уже почти

вижу эту «Соньку» – наверняка какая-нибудь доярка в цветастом платке, которая предложит мне парное молоко вместо нормального кофе.

– Ну, держись, Сонька, – цежу сквозь зубы, толкая калитку. – Сейчас ты узнаешь всё, что я думаю о твоем маркетинге.

Осматриваюсь. Оцениваю придирчивым «строительным» взглядом. Дом хоть и старый, но милый, с аккуратной пристроенной к нему верандой из сруба. Хмыкаю от внезапной мысли, которая выстреливает в голове, словно пуля: веранду будто построили эльфы, подсевшие на инстаграмный уют.

Там же стоят плетеные кресла, на которых небрежно валяются пледы. Смотрится гармонично и мило, как картинка в Pinterest для вдохновения. И запахи такие, что по щелчку пальцев мысленно возвращают в детство, на каникулы к бабуле в деревне. Ароматы свежего хлеба, сена, яблок и чего-то травяного. Что поразительно – дышится легко и глубоко, даже несмотря на явный запах животных. Но я всё еще скептичен и раздосадован. Где мой обещанный комфортный отдых?

– Это и есть отель? – хмыкаю, не решаясь сделать и шага.

Может, переночевать в тачке? Мысль близка к абсурду, но я уже готов сбежать. Не успеваю. Дверь открывается, являя взору хозяйку «отеля». Замираю в неверии, пока она спешно идет ко мне, одетая в нелепый джинсовый комбинезон с дыркой на левой коленке. Встает рядом, улыбаясь настолько

открыто и приветливо, что я воздухом давлюсь.

Да ну на хрен! Волкова? Почему она здесь?!

– Это вы тот столичный гость, у которого машина сломалась?

Блымает глазами, как аварийка, а я не могу выдавить и слова. В её омутах – ноль узнаваемости.

– Я, – выдавливаю, а она кивает.

Замечаю, что волосы собраны в небрежный пучок, а щека перепачкана мукой. Домашняя и уютная настолько, что так и тянет крепко обнять, но я вовремя останавливаю себя от опрометчивых решений.

– Отлично, у меня как раз свободно, – хлопает в ладоши всё с той же улыбкой, от которой мне уже не по себе. – Я Соня, а вы?..

Нет, погодите-ка. Это шутка такая или мы играем в потерю памяти?

– Марк Викторович, – стреляю в неё обвинением, а она лишь кивает.

И смотрит равнодушно, как на пустое место. В лучшем случае – как на курьера, который долго вез её посылку: с некоторой долей раздражения.

Охренеть просто. Почему я помню Соню Волкову даже спустя шесть лет, а она так легко забыла, что изменила со мной мужу? Или мужиков было настолько много, что всех не запомнить?

Ну, я помню слухи о том, что Волков развелся и оставил

жену ни с чем. Но как-то раньше не придавал этому значения. В наших кругах вечно ходят сплетни, и далеко не все они правдивы. Большая часть – пиар и привлечение внимания.

В любом случае, мне незачем с ней нежничать, поэтому ожесточаюсь, превращаясь в ледяную глыбу:

– Что-то я не вижу здесь пятизвездочного отеля, как дерзко указано на табличке, – кривлюсь, снова осматривая дом. – Захудалый домишка и двор, полный живности, тянут разве что на две звезды. И те с натяжкой. А туалет-то хоть у тебя есть, хозяйка?

– Что вы, Марк Викторович, – притворно машет она рукой и выдает милым голоском: – Есть, конечно. Во-о-о-н там, деревянная конструкция за сараем. Сами найдете или вас проводить?

Я, как последний идиот, слежу за направлением её руки и…

– Издеваешься? – рычу, как пес на цепи, а нахальная баба лишь пожимает плечами.

– Ну что вы, как можно с дорогим гостем…

И всё это так приветливо, что аж тошно. Или это рвотный рефлекс из-за стойкого запаха навоза?

Глава 4

Соня

– Софа, я к тебе важного столичного гуся отправил, ты уж его встреть и койку предоставь. Не теряйся там, сруби с мужика побольше денег за проживание, их ему явно девать некуда. Я тачку его придержу подольше, а тебе постояльцы сейчас ох как нужны.

Сначала загораюсь благодарностью, но как только все его слова полностью оседают в голове, возмущаюсь:

– Степан Григорьевич! – ругаю любимого старичка, но улыбаюсь от его отеческой заботы. – Я надеюсь, вы не специально сломали мужчине машину?

– Он сам сломал, – хмыкает дед, но добавляет с настойчивостью в голосе: – А ты не стесняйся, тебе деньги лишние, что ли? Этот с виду ничего такой. Глуповат, но опрятный и солидный. Глядишь, среди своих потом твой отель прорекламирует. Заживем!

– Спасибо, – выдыхаю с благодарностью и сбрасываю вызов.

Да уж, постояльцы мне сейчас нужны, тут не поспоришь. Стоит только мысленно открыть мобильный банкинг и взглянуть на сумму долга… как все принципы сразу в трубочку сворачиваются. Липкий страх холодными лапами сжимает горло: если я не выплачу этот чертов кредит в ближай-

шее время, банк просто заберет ферму. Дом бабушки – единственное место, где я наконец почувствовала себя живой, – пустят с молотка за бесценок.

Сверяюсь с настенными часами: если гость пошел пешком, значит, у меня в запасе есть двадцать минут. Пока спешно готовлю, мысли сами атакуют, как стая собак, почуявших страх.

Шесть лет прошло после развода, а я до сих пор помню, как Игорь глумливо заявил в зале суда, что я без него – ноль и ничего не добьюсь в этой жизни. Тоже так подумала в первые несколько недель безуспешного поиска работы. Еще мама наседала каждый день, ругая и упрекая, что я слишком категорична, а могла бы и простить разок.

Невыносимо стало с ней жить под одной крышей, и позже я вспомнила, что бабушка оставила мне в наследство дом с большим участком в селе. Я как чувствовала, что еще пригодится, поэтому не продавала. Переезжая сюда, не питала особых надежд хоть на что-то, но, увидев здешние виды, красоты гор с лесами, насладившись сполна чистым воздухом и внимательнее рассмотрев обветшалый двухэтажный дом, я осенилась гениальной идеей создать экоферму. И сделать из дома что-то вроде мини-отеля для туристов.

На тот момент я не видела очевидных минусов, я просто горела идеей, которую поддержала только подруга Мира. Но, в отличие от меня, Мирослава счастлива в браке, и всё у них с Сашей хорошо. Мира – успешная бизнес-леди, не то что

я…

Никто в меня не верил: ни местные, ни родня. Создавала тут всё буквально на собственном энтузиазме и поддержке подруги. Ну и с бурчащим под боком Степаном Григорьевичем. Как мастерский плотник, он сделал мебель и помог с верандой, создав ее по моему эскизу из Пинтереста.

Но что теперь, когда ферма терпит огромные убытки? Я не учла, что сезонность больно бьет по посещаемости, и столкнулась еще с кучей нюансов. Я бы, конечно, могла для исправления мелких неурядиц нанять работников, но нет свободных денег прямо сейчас.

Мысли улетучиваются, как только слышу скрип калитки. Спешно вытираю руки и выбегаю во двор, где уже топчется мужчина. Правда солидный: опрятный, в деловом костюме и брендовых ботинках. На первый взгляд он кажется заблудшей душой в этом месте. Да и мужчина, судя по недовольству на лице, совсем не такой отель себе представлял.

Всматриваюсь в острые черты лица незнакомца, и что-то зудит на подкорке сознания, будто ловлю эффект дежавю. Но разве мы с ним знакомы?

– Я Соня, а вы?..

Он хмурит лоб, а я вижу лишь, как в зрачке медленно плавится молочный шоколад – настолько невероятный оттенок глаз у мужчины. Снова дежавю бьет молотом по голове, и в памяти вдруг вспыхивают… жаркие поцелуи. Страстные, отчаянные, на грани пытки. Вспыхивают так ярко, что кожу

на шее обжигает фантомным прикосновением, а сердце пропускает тяжелый удар.

Боже, что за бред, Соня? Очнись!

Улыбаюсь ему приветливо, стараясь удержать гостя, хотя у этого столичного «гуся» на лице написано: «Тут отвратительно».

– Марк Викторович, – бурчит недовольно, словно я виновата во всех его бедах. – Что-то я не вижу здесь пятизвездочного отеля, как дерзко указано на табличке. Захудалый домишка и двор, полный живности, тянут разве что на две звезды. И те с натяжкой. А туалет-то хоть у тебя есть, хозяйка?

Помалкиваю, отчаянно прикусывая щеку изнутри, хотя на языке так и вертится пара десятков очень «лестных» слов. Я не гордая, могу и потерпеть, но ведь никто не запрещает мне немного пощекотать мужику нервы.

– Что вы, Марк Викторович, – сладко улыбаюсь ему, глядя, как он на мгновение «зависает», разглядывая моё лицо. – Есть, конечно. Во-о-о-н там, видите? Деревянная конструкция за сараем. Сами найдете или вас проводить?

Указываю ему рукой направление, и этот глупенький и правда ищет глазами «скворечник» на улице. Минута ступора, и…

– Издеваешься? – рявкает он в обиде.

Я же едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться в голос.

– Ну что вы, как можно с дорогим-то гостем.

Я вежлива до невозможности, и Марк Викторович явно озадачен моим поведением. А я со скучающим видом продолжаю ковырять ему мозги чайной ложечкой, как изысканный десерт:

– Выбор у вас, Марк Викторович, невелик. Либо переночевать в моем отеле, либо попытать удачу у кого-то из местных. – Вижу задумчивость на его лице и тут же безжалостно отрезаю второй вариант: – Но лучшее, что вы найдете у соседей – холодный сарай и падалицу с дерева на ужин.

Он ведется на мои слова, как наивный ребенок. Кривится и снова осматривает дом снаружи, явно принимая самое нелегкое решение в своей жизни. Ой, ну что ты его разглядываешь! Я сама знаю, что облицовку надо сменить, но внутри-то мой дом – как конфетка.

– Хорошо, – соглашается нехотя и буквально убивает меня наповал вопросом: – Где здесь ресторан? Я хочу поужинать.

– Ресторан… – повторяю пораженно, а Марк, прости господи, Викторович реально ждет ответа.

Я пялюсь на него, как на ходячее недоразумение в дорогом костюме, который здесь выглядит так же уместно, как фрак в коровнике.

До него, пусть медленно, но доходит:

– Да, глупость сморозил. Такую дыру еще поискать…

– Не соглашусь. У нас тут, знаете, какие виды…

Проглатываю все слова, как только между нами устанав-

ливается странная, почти осязаемая связь. Марк делает шаг вперед, вторгаясь в моё личное пространство, и аромат его парфюма – холодного, с нотками цитруса и дорогой стали – нелепо мешается с запахом теплого хлеба и трав из моей кухни. Почему, когда я смотрю в эти глаза цвета молочного шоколада, он кажется мне таким пугающе знакомым? Будто мы уже пересекались ранее, в какой-то другой, почти стертой из памяти жизни. Это чувство жужжит внутри, словно пойманный в ловушку жук, и бессмысленно бьется о стекло моего сознания, оставляя после себя лишь тревожную дрожь в коленях.

Да и мужчина смотрит на меня явно не как на незнакомку. Во взгляде четко плещется возмущение, от которого я теряюсь.

Да что я, у него деньги одолжила в прошлом и забыла вернуть? Трясу головой, чтобы прогнать тупые предположения. Никогда и ни у кого в долг не брала – это принцип. Кредит, разумеется, не в счет. Да и брала я его для благого дела.

– Да уж, виды тут… интересные, – констатирует он, рассматривая меня с ног до головы.

Стою не шевелясь, как заколдованная магом. Марк вдруг тянется рукой к моему лицу, а я в этот момент просто перестаю дышать. Он едва касается пальцами моей щеки, но меня вдруг пронизывает жаркой дрожью, и рваный вздох сам собой срывается с пересохших губ. Сердце заходится в бешеном стуке, будто пытается проломить себе ребра и выпрыг-

нуть прямиком в руки этого мужчины. Как если бы все эти шесть лет оно только и ждало хоть какой-то ласки.

Со стороны Марка это просто невесомое прикосновение. Он смахивает что-то подушечками пальцев, но меня встряхивает, как после удара дефибриллятором. Отскакиваю, будто ужаленная, и сама тру щеку так отчаянно, что кожа начинает гореть. Мужчина на мой поступок лишь поджимает губы. Наверное, думает, что мне было противно, а мне… даже самой себе стыдно признаться, что я завелась с пол-оборота.

Соня, ты рехнулась? Понимаю, что одичала за шесть лет одиночества, но не настолько же, чтобы терять рассудок от первого встречного!

– Так вы… – голос звучит сипло, я спешно беру себя в руки и говорю увереннее: – Остаетесь или пойдете искать себе ночлег в другом месте?

Хоть и спрашиваю равнодушно, но внутри вся сжимаюсь пружинкой от страха. Тут ведь есть у кого переночевать. Взять хотя бы молодую мамочку, что живет через дорогу. Ей бы такой «отец» для близняшек Маши и Миши точно пригодился. Да и бабуля через дом от меня – святая, бескорыстная женщина. Примет Марка Викторовича бесплатно, как родного внука, и пирожками закормит на радостях.

К счастью, мужчина выбирает меня:

– Остаюсь, – цедит сквозь зубы и, нет чтобы промолчать, добавляет: – И надеюсь, что внутри отель уютнее, чем снаружи.

Вдох-выдох. Я спокойна! Я просто хочу скорее погасить кредит. Только поэтому улыбаюсь и, чуть отойдя в сторону, приглашаю гостя первым пройти к дому.

Уже стемнело. Марк ступает уверенно, хотя идет, по сути, по минному полю.

– Осторожно! – предупреждаю с притворным ужасом в голосе, а на самом деле едва не смеюсь в кулак.

Да мне прямо в кайф смотреть, как мужчина замирает, приподнимает ногу и с ужасом рассматривает брендовый ботинок, измазанный в натуральном сельском говне.

– Это… – тянет с гадливостью и принюхивается.

Боже, Марк, если не прекратишь делать глупости, я же помру со смеху! Зачем ты его нюхаешь? Чтобы получить заряд бодрости? Разве и так не ясно, во что ты вступил?!

– Марк Викторович, – утешающе хлопаю его по спине, – у нас тут природа в ее первозданном виде.

– Я заметил, – цедит он зло, а я поспешно юркаю в дом.

Глава 5

И только там даю волю эмоциям – хохочу так, что аж сгибаюсь в три погибели. Но успокаиваюсь, как только мой богатый гость переступает порог. Ботинок он уже вычистил, но запах…

Я-то привыкла, а вот городской индюк явно не в восторге от нового опыта. Спасаю ситуацию:

– Считайте, что это к деньгам, – тяну с улыбкой, но «гусь» явно не удовлетворен ответом.

– В таком случае, почему же ты еще не стала миллионером? – ехидничает в ответ, что мне остается только ворчать проклятия под нос.

– Комната на втором этаже, сразу от лестницы. Чистая и уютная, с прекрасным видом. Если нужно, ужин я могу принести прямо туда.

– Да уж будь любезна, – бросает он мне, как обслуживающему персоналу.

Затыкаюсь ровно за секунду до катастрофы. В отличие от ботинок зануды, деньги не пахнут, так что, Соня, прикрути гордость на минимум.

Пока мужчина рассматривает интерьер гостиной, который разительно отличается от видов снаружи, я бессовестно скольжу по нему глазами с головы до ног. Нет, определенно он кажется мне знакомым, но почему? Взгляд сам собой

останавливается на пухлых губах, в памяти что-то щелкает и искрит, но зажигания не происходит. Теоретически, если бы мы были знакомы раньше, стал бы Марк Викторович молчать? Думаю, нет.

– Что ж, – резюмирует он, а я, моргая, выплываю из задумчивости. – Внутри… миленько.

Говорит одно, а на роже написано: «Меня этот интерьер бесит похлеще налоговой проверки». Передергиваю плечами. Плевать. Сдеру с него двойной тариф, чтоб не умничал в следующий раз.

Расходимся, пока не погрызлись, как две собаки за территорию. Он – в комнату, а я – на кухню.

Ужин готов: мясо на мангале, картошка, салат. Добавляю чашку ароматного травяного чая – бабуля-соседка приносит отличный сбор: и для иммунитета, и для нервной системы. Ему точно пригодится! Ну и чтобы подсластить момент, кладу щедрый кусок штруделя с вишней.

Довольная собой, тащу всё это наверх. Дверь приоткрыта, но я не вхожу без стука. Борюсь с подносом, чтобы как-то освободить руку, и только подношу кулак к двери…

Зависаю, как старый комп. Глючу, подвисая и практически не моргая. Марк переодевается, и я зачем-то пристально слежу за тем, как он шустро стягивает рубашку. Мужчина в отличной форме: рельефные мышцы перекатываются под кожей, пока он швыряет рубашку в сторону и, наклоняясь, тянется за свитером.

Тяжело сглатываю, ощущая совсем не те эмоции…

Жар прокатывается по телу совершенно не вовремя, гадливо напоминая, что у меня сто лет никого не было. Либидо шалит настолько, что я прямо наяву вижу, как эти сильные руки хватают меня за талию и рывком прижимают к мускулистому телу. Как жадно шарят, медленно избавляя от одежды…

– Так и будешь подсматривать или все же войдешь? – летит в меня ядовитое, отрезвляя, словно ушатом ледяной воды.

Чудом не дергаюсь, стою смирно, иначе бы весь ужин оказался на полу. Вхожу с нервной улыбкой, но мне жарко и душно до невозможности, что аж чувствую, как капелька пота течет по спине. У меня что, овуляция? Почему я реагирую на него, как мартовская кошка?

К счастью, Марк забирает поднос, а я не могу уйти – ноги будто в бетон залили. Не стесняясь меня, он берет кусочек заботливо порезанного мяса и беззастенчиво ест. А я, вместо того чтобы просто пожелать приятного аппетита, выпаливаю:

– За ночь – сто пятьдесят долларов.

Марк давится едой и закашливается, а я и с места не двигаюсь. Найдя стакан с чаем, он жадно пьет, но никак не может потушить в себе… видимо, огонь злости.

– Сто пятьдесят? – переспрашивает хрипло, а я киваю, как китайский болванчик. – Что-то дороговато мне твой отель

обходится.

– Да что в наше время сто пятьдесят долларов? – фыркаю и бурчу под нос: – Скряга. Это вместе с едой и… культурной программой.

Он долго молчит, но, прожевав мясо, молча кивает. То ли это комплимент моей готовке, то ли он просто смирился с условиями.

– Хорошо, будут тебе деньги. Заплачу даже больше, если поторопишь старикана починить мою тачку.

– Не «старикана», а Степана Григорьевича, – упрямо складываю руки на груди и добавляю: – Насчет машины ничего гарантировать не могу. Сами понимаете, если заказывать детали, то они могут к нам идти до трех дней.

Он и сам это понимает. Злится, судя по перекошенному лицу, но принимает горькую правду:

– Значит, поживу у тебя три дня. И с завтрашнего дня рассчитываю на то самое «безудержное веселье».

Перекручивает мои слова, нахал, но мне пофиг. Если заплатит – идеально. У меня в любом случае гостей не предвиделось, а так хоть немного денег заработаю и погашу часть космического долга.

– Отлично, тогда завтра с вас расчет за первый день. Таковы правила. Спокойной ночи.

Убегаю, пока в меня не полетели стрелы новых укоров. У себя в комнате, едва голова касается подушки, слышу, как телефон пиликает от входящего сообщения. Надо же, интер-

нет решил ради приличия немного поработать?

Связь прорывается плохо, но сообщение от подруги Миры всё же дошло. Просит срочно перезвонить и меня это настораживает, ведь подруга редко пишет о срочности. Но… я слишком вымотана и измучена этим днем, поэтому решаю отложить разговор на завтра.

***

Подскакиваю, будто меня ущипнули, и с минуту тупо пялюсь в стену, за которой орет Марк. На часах – пять пятьдесят утра, а этот, прости господи, Викторович горлопанит, как оперная певица на сцене. Еще и ноту так низко берет, что аж морщусь от его «концерта» совсем не по заявкам.

Я привыкла просыпаться рано, но не под нецензурщину же! Да что уже могло произойти? С раздражением сползаю с кровати и прямо так, в пижаме, тащусь к нему в комнату. Рывком открываю дверь и…

– Марк… – выдыхаю со стоном, – Викторович.

– Это и есть тот самый комфортный отдых, черт подери?!

Громыхает, тыча пальцем в курицу, которая хрен знает как забралась в его спальню. Цепляю взглядом открытое настежь окно и пораженно вздыхаю. Неужели эта наглая птица влетела прямо в него? Совершенно не пугливая, она уселась у гостя в ногах, как преданная собачка, и еще пялится на меня так, словно намекает: «Этот мужик мой!»

– Как она вообще ко мне забралась? Кыш!

Гонит птицу, а ей пофигу. Лишь с кудахтаньем перелетает

на спинку стула, но свой пост покидать не спешит.

– Не отель, а сплошной балаган! – Марк морщит нос и продолжает выплескивать на меня гнев: – Только посмотри, во что она превратила кровать и комнату!

Я же не слепая, но лишь киваю со вздохом.

– Марк Викторович, – выдавливаю из себя улыбку, – я не виновата, что у вас настолько сильный магнетизм. Вы даже курицу сразили наповал.

Он замирает. В глазах – целое море буйства, и на меня со скоростью света мчится высокая волна недовольства.

– По-твоему, это забавно? – в отличие от горящих гневом глаз, голос его теперь спокоен, подобно штилю перед бурей. – Я словно спал в курятнике, а не в номере отеля. И за это ты просишь сто пятьдесят долларов? Или курица – то самое «развлечение», что входит в стоимость?

Мне бы согласиться с ним, извиниться за неудобство, но не могу заставить себя. Чувствую в нашем споре некий азарт, поэтому зажигаюсь, как новогодняя елка:

– Чего ты раздуваешь проблему? – скрещиваю руки на груди в защитном жесте. Марк сощуривается. – Да, немножко испачкался в курином помёте, но что тут такого? Ванная в коридоре, бойлер нагрет! Пошел и помылся. А я пока приберусь здесь и сменю белье. Ах да… в следующий раз, если станет жарко, открывай окно только на проветривание!

Повисает скользкое, как лед, молчание. Один неверный шаг – и можно поскользнуться. Марк молчит, поджав губы

так крепко, что они побелели. Успокаиваюсь и я.

– Прекрасно, – цедит он спустя долгую минуту. – Пойду приму душ.

Он направляется к двери, и мне приходится отступить, чтобы дать ему пройти. Марк задерживается в дверном проеме всего на секунду, слишком близко, так что я чувствую жар, исходящий от его тела после сна. Взгляд медленно, почти ощутимо скользит по моей тонкой пижаме, задерживаясь на ключицах и спутанных волосах. В нем уже нет злости – только странное, темное обещание, от которого по коже проносится табун мурашек. Он ничего не говорит, но я отчетливо понимаю все, что горит в его глазах, пока рассматривает мое тело.

В итоге Марк скрывается в ванной, а я шумно выдыхаю.

Глава 6

– Ты охренела?! – теперь я тычу пальцем в курицу, а она, чуя беду, спешно бросается в противоположный угол. – Я тебя на суп пущу, гадина ты мелкая!

У меня с ней разговор короткий: ловлю её и вышвыриваю через окно, не слишком переживая за наглую живность. Но когда полностью осматриваю комнату и кровать… Дикий хохот разносится эхом по спальне, и я никак не могу себя угомонить. Это что ж получается, Марк всю ночь проспал с курицей в обнимку? Боже, кому расскажу – не поверят же!

Убираюсь дальше без задней мысли, как вдруг…

– Там же… полотенец нет!

Бегу к себе, спешно достаю комплект и теперь мнусь у ванной комнаты, потому что Марк не отвечает, даже когда я стучу в пятый раз.

– Я просто положу полотенце и быстренько уйду… – убеждаю я себя, когда нагло врываюсь внутрь.

И как раз в эту же секунду Марк открывает дверцу душевой кабинки… Встречаемся взглядами и оба замираем. У него – удивление вперемешку с чем-то таким… темным и страстным. А я… вспыхиваю до кончиков ушей от увиденного. Идеален во всех смыслах, такого грех прятать под костюмом. И мне, вполне логично, это нравится до пунцовых щек. Взгляд невольно фиксирует родинку на его плече, и в

голове вспыхивает что-то знакомое, но как такое возможно? Боже, Соня, да прекрати ты уже!

Алчный взгляд мужика возвращает на землю, жестоко напоминая, с кем я имею дело. Городской говнюк! Может, еще и женатый вдобавок? Кольца хоть и нет, но кто знает, вдруг снял заранее?

– Я… кхм… – прикрываюсь полотенцем, как щитом, – принесла полотенце. – А я, грешным делом, решил, что ты надумала присоединиться.

– Делать мне больше нечего, – бросаю в него стопку ткани и убегаю, пока неловкость не достигла апогея. Или пока я реально не залезла к нему в душ…

В коридоре спешно прижимаюсь спиной к холодной стене, чтобы успокоить бурлящие эмоции. Нет, ну это точно какой-то дурной сон! Мне снова показалось, что я уже видела Марка раньше. Причем именно таким – без одежды.

– Подбери уже слюни и топай на кухню! – ругаю себя, как последнюю идиотку.

За завтраком неловкость только нарастает. Я упорно молчу, да и Марк что-то слишком активно клацает в телефоне.

– Тут вообще ловит интернет? – вскидывает он вдруг голову, а я пожимаю плечами.

– Надо выйти на крыльцо, повернуться лицом к вишне и высоко поднять руку. Иногда помогает.

Напряжение за столом становится почти физическим. Мы словно сидим под высоковольтными проводами, и я почти

слышу, как трещат невидимые искры.

– Это шутка? – выдавливает он спустя время.

– Я вполне серьезно, – отвечаю со скучающим видом, а Марк бесится, как разъяренный жеребец, которому натянули поводья.

Дергается, шумно дышит, но вынужден сдерживаться.

– Ну точно дыра! И как меня угораздило сюда занести?!

– Хочу напомнить, – рассматривая ногти на руках, брякаю я, как робот: – Что ночь прошла и пора бы рассчитаться. Желательно наличкой.

Злой как тысяча чертей, он вскакивает со стула. Нервно хлопает себя по карманам, но чем дольше рыскает, тем сильнее к переносице сходятся брови. И мне это совершенно не нравится.

– Так… а кошелек… – говорит он сам себе и резко чертыхается под нос: – Кажется… оставил дома…

Пялимся друг на друга, как двое школьников, пойманные на нелепой проделке. У нас обоих возникает абсурдное желание рассмеяться, но я всё еще надеюсь на благоразумность мужика.

– Ты сейчас пошутил? – скрещиваю руки на груди, когда надменный «гусь» растягивает губы в приторно-сладкой усмешке, которой явно хочет сбить меня с толку.

– А почему сразу наличкой? Бизнес втихую от налоговой ведешь? Может, я хочу терминалом расплатиться!

– Да как скажете, скидывайте на номер счета.

Вот только беда в том, что вай-фай тут такой же капризный, как мой дурной козел, за что только еду каждый день получает, скотина такая.

У Марка нет выбора, встает вместе со мной и выходит на веранду. Он всё еще скептичен, а я до сих пор в режиме ожидания денег. Трюк с вишней срабатывает, только мужчине пришлось залезть на бревенчатые поручни для лучшего сигнала. Пока он с высоко задранной рукой пытается что-то печатать, рядом, как специально, появляется курица. От испуга или просто от неожиданности Марк нервно дергается, и из его ладони вылетает айфон.

– Да твою ж… – мы оба пораженно смотрим, как телефон плюхается прямиком в емкость с водой для животных.

– Телефон пал смертью храбрых… – я шустро достаю его, пока Марк Викторович зависает в неверии.

– Это же… вся моя работа, – он моргает и щипает себя.

Наверное, думает, что ему снится дурной сон. Он смотрит на свои пустые ладони с таким видом, будто у него только что отобрали кислородный баллон на глубине океана. Весь его столичный лоск осыпается, как старая штукатурка.

Честно, я тоже начинаю думать, что все это тупой сон. Ну не может случиться столько абсурда за один день!

– Да ну бросьте, – я заботливо отряхиваю телефон от воды и прочего мусора. – Айфоны ведь водонепроницаемые. Просохнет и будет как новенький.

– Да ты хоть представляешь, сколько на нем было инфор-

мации! – он вырывает его из моих рук и нежно прижимает к себе, как ребеночка.

Тыкает по боковым кнопкам, на пару секунд экран загорается и тут же резко гаснет.

– Заряд сдох!

Не закатываю глаза лишь из вежливости. Ну, хотя бы включился, уже хорошо. Теперь я уже, наверное, не столько переживаю за свои деньги, сколько за Марка. Ну что за мужик – одно сплошное невезение.

– Скажи честно, тебя какая-то женщина прокляла?

Он бросает на меня убийственный взгляд, а я приподнимаю ладони в знаке капитуляции.

– Ладно, зарядка есть?

– Есть, – киваю и, не щадя нервы индюка, добиваю его с широченной улыбкой: – Только у меня не айфон. И ни у кого из местных его тоже нет.

Марк с рычанием падает в плетеное кресло, из-за чего кажется, что я нокаутировала Марка Викторовича с одного удара.

– Это просто какой-то дурной сон, – стонет он себе под нос, качая головой.

Но если он думает, что единственный тут, кто разозлен до точки кипения, то у меня для него плохие новости.

– Я не понимаю, как можно уехать из дома, не взяв с собой кошелек?! – ругаю я его, как миллениалка, воспитывающая сына-зумера. – Вы что, питаетесь святым духом?

– Ты серьезно? – он выгибает бровь и стреляет отмазкой, как из водного пистолета: – У меня для этого есть телефон и NFC!

– А зарядка? Свою вы, я так понимаю, тоже дома забыли? Хорошо хоть голову не оставили на тумбочке!

– Ты как дикарка из каменного века, – фыркает он на все мои возмущения. – Айфон сейчас у каждого, и зарядка есть практически везде. Например, в любом нормальном отеле.

Последнее он особенно выделяет, бросая камень в огород моей «Солнечной Долины». Ладно, индюк городской, твоя взяла. Ты же хотел безудержного веселья? Я тебе его организую так, что до конца жизни не забудешь!

Молчу некоторое время, наслаждаясь его беспомощным видом. В голове уже выстраивается идеальный план. Раз у Марка Викторовича нет налички, значит, он будет отрабатывать свое проживание по полной программе. Я медленно облизываю губы, представляя этого лощеного бизнесмена с вилами в руках. Хищная улыбка сама собой расплывается на моем лице.

– Ну, раз вы не можете заплатить за проживание, – тяну с ухмылкой, а мужик сразу напрягается всем телом.

Не могу, но сдерживаю себя от хохота – настолько комичное у него сейчас лицо. Ой, ну что так натужился, словно я тебя выгоню спать в курятник!

– Вон там ведро, – указываю ему направление, и он послушно скользит чуть левее глазами. – А в дальнем сарае ко-

за. Ее нужно подоить.

Раздав указания, разворачиваюсь и ухожу, но меня резко останавливает истеричный смех.

– Ты… – смеется и не может остановиться, – пошутила?

– Ну какие уж тут шутки, Марк Викторович, – стреляю в него строго, и мужчина сводит брови к переносице.

– Подоить? – уточняет, а я киваю. – А ты ничего не перепутала?!

Гремит на весь двор, что аж куры разбегаются в разные стороны. Но я спокойна, как удав. Протягиваю ладонь, прямо как у церкви, и мой жест мужик понимает без слов – поджимает губы.

Не хочет принимать свою судьбу, всё ищет отмазки:

– Но ты же понимаешь, что я могу заплатить и даже вдвое… нет, втрое больше!

Глава 7

– Так заплати, – упираю руки в бока с грозным видом, хотя внутри уже едва не взрываюсь от истерики.

Столько растерянности и мольбы о пощаде я давно не видела. И Марк сейчас как адвент-календарь – каждый день что-то новое буду открывать в нем.

– Да ну не могу я, – грохочет от несправедливости и айфоном крутит в воздухе. – Найди мне зарядку, и будут тебе деньги.

– Марк, давай уже без «Викторовича». Нет здесь нигде зарядки, смирись и иди подои мне козу.

Пока он медленно переваривает ценное указание, подхожу к нему и услащаю момент:

– Я в тебя верю, ты справишься! – хлопаю по плечу, как давнего друга перед важным стартапом.

И сбегаю, пока еще могу сдерживать в себе смех. Но разве могу я пропустить шоу? Нет!

В коридоре взгляд сам опускается на чистые галоши, предназначенные для гостей, если те захотят «пообщаться» с животными на моей мини-ферме. Жалко становится столичного раздолбая и его брендовые ботинки, поэтому хватаю галоши и иду прямиком к Марку. А он так и стоит на одном месте, как потерянный турист посреди сафари: руки в карманах штанов, спина прямая, а на лице – сплошное разо-

чарование.

– Держи, – протягиваю ему обувь.

Хмурится, пока рассматривает галоши, но когда поднимает на меня взгляд, полный недоумения… то у меня складывается ощущение, что гранату без чеки ему подсунула.

– Это… что? – ну, серьезно?

Закатываю глаза аж до луны:

– Обувь, Марк. На ноги надевается, – невинно поясняю, а он уже едва не сжигает меня глазами, как инквизитор ведьму.

– Не делай из меня идиота, – отмахивается, – у меня есть обувь, зачем мне эти галоши?

Указывает на модные ботинки, которые вчера пережили не лучшие времена. И я молча смотрю на туфли именитого бренда, мысленно напевая им похоронный марш.

– Марк, – начинаю медленно, чтобы до него дошло, – ты уже забыл, как вчера вступил ими в… – не дает договорить:

– Ладно, – сдается, забирает у меня галоши двумя пальцами, будто жабу берет.

Переобувается и, пока с задумчивостью рассматривает ноги, уношу его ботинки в дом, от греха подальше. К сараю Марк подходит нерешительно, все еще с долей скепсиса и явного замешательства. А я уже в предвкушении веселья мысленно потираю ручки.

Галантно, как швейцар, открываю перед гостем дверь, и на нас тут же пялятся четыре пары глаз. Марк морщится –

запахи тут, конечно, не для городской неженки, но все же и не так плохо, как могло бы быть. Я вовремя за ними убираю!

– Вон ту надо подоить? – уточняет, словно все еще хочет услышать от меня, что я пошутила.

Козел Степан на наглое заявление Марка явно насторожился – вон как глаза вылупил, будто уже задумал боднуть столичного пижона прямо между ног.

– Хм, – делаю умный вид, стараясь в который раз за утро не заржать. – Если ты решишь подоить козла, то максимум, что получишь – это пару капель. И явно не того, что нужно.

Я максимально спокойна и вежлива, даже указываю Марку, где стоит моя милая козочка Дуся – с другого бока от него.

Обернувшись, Марк рассматривает козу, затем козла и просто трясет головой. Не видит разницы, но и не спорит. Не ругается, что странно, и даже не дерзит. Как-то… не к добру!

Вижу, как козел Степан уже едва не рычит, чуя конкурента или еще чего хуже. Копытом бьет, и, клянусь, у Марка сейчас вся жизнь перед глазами пронеслась – вон как побледнел за секунду и в сторону шарахнулся. А может, и мысленно завещание составил.

– Степан! – шикаю на него, а то совсем уже охамел в последнее время. – Хочешь, чтоб на мясо тебя пустила?

Не хочет – затыкается и пятится назад, буквально сливаясь с текстурами сарая.

Но он тут не единственный, кто не хочет принимать горь-

кую судьбу:

– Соня… – раздается над головой тихий, но твердый голос. – Я на это не подписывался.

Пинает ногой ведро, будто злость на нем вымещает. Оно бренчит и падает, но не испаряется, как и вся сложившаяся ситуация.

Нет уж, дорогой мой Марк Викторович. Хотели безудержное веселье? Получите – распишитесь!

– Работай, Марк, – хлопаю его по плечу, а второй рукой пихаю в спину, подталкивая к козе.

И он подходит, а на лице огромными буквами мигает: «Я правда собираюсь ее доить?». Что забавно, даже без моей подсказки находит низкий стульчик в углу и нелепо усаживается на него около Дуськи. Такой огромный, что скручивается, бедняга. В рубашке и с галстуком, который зачем-то напялил, Марк кажется лишним тут. Неестественным, как сгенерированная картинка ИИ. Глюком в слаженной системе.

Но все же протягивает руку, а коза с любопытством тянет морду к его галстуку, просто чтобы понюхать. Еще бы, когда в ее сарае снова будет благоухать духами Пако Рабан?

Испугавшись, что Дуська погрызет его галстук, Марк тут же отпрыгивает с нервным криком, как кот от огурца. А мне под рукой только телефона не хватает и ТикТока – такой кадр пропал!

– Она чуть не укусила меня! – слова нервным эхом разле-

таются по сараю. – Ох, бедняжка, – посмеиваюсь и добавляю примирительно: – Дуся просто понюхать хотела, ты для нее новый человек, прояви терпение.

Признаться, я ждала, что Марк сдастся и сбежит еще до того, как мы войдем в сарай. Но он, кивнув, упрямо снова усаживается, будто не хочет проиграть, и плевать в каком деле. Упертый!

И уже в следующую секунду с восхищением наблюдаю, как он, отбросив предубеждение, закатывает рукава, даже трет пальцы, словно согревает их перед тем, как прикоснется к вымени. И, наконец, снова тянется к Дусе рукой, но всё делает неправильно. Подхожу ближе и склоняюсь к мужчине, чтобы правильно разместить обе его ладони и помочь, как вдруг всё летит за секунду к чертям.

Коза, предательница, дергается, отчего Марк вскакивает, спешно пятится назад, а я не успеваю отскочить и в итоге оказываюсь прямо в руках у мужчины. Сердце замирает в тот же миг. Мы так близко друг к другу, что ощущаю на щеке его горячее дыхание, но сама не дышу. Зато слышу, как мужчина нервно сглатывает, и дрожу в его руках, как заведенная игрушка.

– Ты в порядке? – хмурит брови, но голос – боже!

Меня прошибает похлеще, чем от тока. Нежный, с каплей тревоги и хриплыми нотками.

Марк удерживает меня, чтоб не упала, и я хватаюсь обеими ладонями за его рубашку, как за спасительный круг по-

среди океана. Хотя мне страшно, но поднимаю взгляд и тону в цвете глаз, в которых медленно плавится молочный шоколад. Глаза слишком открытые и страстные, до помутнения рассудка. Марк смотрит на меня не как на фермершу-издевательницу, а как на женщину. Красивую и обаятельную. Единственную, что способна достучаться до его души.

– Я… в порядке, – выдыхаю и не понимаю, отчего голос вдруг стал хриплым.

– Соня… – срывается с его губ так нежно и резко, что невольно бьет по воспоминаниям. – Мне кажется, или твоя коза… ревнует?

Не дав мне и минуты насладиться моментом, она блеет прямо возле наших ног, требовательно стуча копытом. Ревнует? Но кого к кому? Не выдерживаем оба и хохочем, но искра, что пробежала между нами ранее, так и остается висеть в воздухе – так, что аж дышать сложно.

Не думала я, что Марк может быть настолько опасно притягательным. И что хуже – я совсем не против оказаться в его руках. Иначе почему до сих пор мы стоим в обнимку, как влюбленная парочка?

Первой выпутываюсь из теплоты объятий, да и Марк с вежливым покашливанием отходит прямиком к Дуське. Мне неловко до пунцовых щек и, не находя ничего лучше, хватаю ведро. Немного неуклюже из-за вспотевших ладоней, едва удается удержать его, и всё это под пронизывающим до кости взглядом Марка. Подхожу к нему, но мнусь на месте, не

зная, куда себя деть. Нервничаю какого-то фига, будто это я впервые вижу козу и собираюсь ее доить.

– Давай… – голос охрип, прочищаю горло и отвешиваю себе воображаемую оплеуху. – Вместе.

Плохая была идея! Я думала, меня это отвлечет, а в итоге… Склоняемся одновременно, и Марк задевает меня плечом, но сразу второй рукой придерживает за талию, чтобы я не свалилась или не потеряла равновесие.

Первой кладу руки на вымя. Я слишком натянута и сосредоточена, но когда Марк накрывает своими ладонями мои, то теряюсь в пространстве. Сердце из-за его близости стучит гулко, отдаваясь в ушах барабанной дробью. Доим Дуську почти синхронно, но, хоть убей, не вижу перед собой ничего – картинка плывет перед глазами.

– Это… – звучит интимно над ухом, задевая все мои нервные окончания и оголяя их, – довольно забавное занятие.

Глава 8

Хриплый смех заполняет собой сарай и окутывает меня нежным коконом. Не вижу, но чувствую, что уже не я дою козу, а Марк. Да так ловко, словно он доярка в пятом поколении. И Дуся совсем не против – стоит смирно, даже не шелохнется.

В эту минуту мне уже совсем не до смеха, я обыграла саму себя, черт возьми! Но если опустить предвзятость, Марк не побрезговал ни мной, ни козой. Ни отелем, что явно встал ему как кость в горле. Можно сказать, гляжу на него теперь иначе – с интересом и задумчивостью. В профиль он мне опять кажется знакомым. В мозгу царапает воспоминание, но оно растворяется после победного хмыканья Марка над ухом.

Как только заканчиваем доить, прячу воображаемые колючки и улыбаюсь искренне, реально всем видом показывая, что мужчина – молодец. Но вслух, конечно же, ничего не говорю. Зазнается еще!

– У тебя такой вид… – смотря на меня, он щурится, будто я луч яркого солнца, – словно я прошел некую проверку.

Кивает на ведро с молоком и козу, а мне нечего сказать. Я его не проверяла, просто хотела немного проучить, но сама угодила в ловушку. Глупо получилось.

– Вообще, – выхожу первой, уж слишком душно стало в

сарае, хочу глоток свежего воздуха, – подоить козу – это своего рода развлечение на моей ферме. Дуся – спокойная и милая козочка, чего не скажешь о Степане.

– Козел? – уточняет Марк, а мне почему-то смешно становится. – А что с ним не так?

– Козел, – посмеиваюсь, вытирая брызнувшие слезы, – он и в Африке козел. Обычно их пускают на мясо, толку от них ноль, а еды жрут дай бог.

– Так зачем ты его оставила?

Задает вполне логичный вопрос, а я только сейчас понимаю, что впервые за прошедшие сутки у нас возник нормальный разговор. Без ехидства или нападок. И это вдруг радует душу похлеще, чем горячий чай в промозглое утро. Я прямо слышу, как на стене изо льда между нами с Марком появляется первая трещинка.

– Держу ради развлечения гостей. Им нравится, Степану правда не очень, но у него нет выбора.

– Бедный мужик, – Марк сочувствующе хмыкает, я же закатываю глаза.

– Мужская солидарность? – зыркаю с хитринкой, а он мне открыто улыбается так, что я едва не спотыкаюсь на ровном месте от неожиданности. – Осторожно! – он вовремя хватает меня под локоть и снова тянет к себе.

Ведро отставляет и скользит свободной рукой по талии, а за ней мурашки табуном несутся по коже. К черту все приличия! Мы тянемся друг к другу, как два магнита, обречен-

ные соединиться вместе. И ведь почти соединяемся, но идеальный момент, почти интимный, так некстати ломает Васька Левко – местный тракторист.

– Сонь! – видя меня, подпрыгивает на радостях, будто в лотерею миллион выиграл.

Я же морщусь и со вздохом разочарования «отлипаю» от Марка. В принципе, я привыкла за шесть лет, что многие заходят на территорию без спроса, будто к себе домой, но иногда излишнее внимание дико бесит. Вот как сейчас, например. Вася подкатывает иногда ко мне – то банку меда притащит, то кабачки вывалит, будто тут склад продуктов. То просто сетует, что «такая женщина и без мужской руки – беда». Только вот и задаром мне больше не сдалась та рука после Игоря. Вася – мужик, конечно, работящий и рукастый, но… не мое. Отмахиваюсь всегда с вежливостью, а он не понимает намеков, снова и снова таскается, как медом ему тут намазано.

– А вы тут чё?

Стреляет ревнивым взглядом в Марка, будто имеет на меня законное право. Но, просканировав его с ног до головы, остывает от вполне закономерного предположения:

– А, так вы турист, типа?

Палит с ухмылкой и перекатывает спичку во рту, пытаясь таким образом демонстрировать крутость. Марк тоже с долей скепсиса рассматривает Васю, ну и я заодно, будто глаза вдруг настроились на четкий фокус.

Вася – типичный сельский мужик. Кучерявый, непослушный чуб торчит в разные стороны, как одуванчик после порыва сильного ветра. Лицо круглое, особо ничем не примечательное. Роба, перепачканная соляркой, которую уже и отстирать нереально, и резиновые боты почти по колено. Нервно переминается с ноги на ногу, словно не знает, куда себя деть, но все равно пытается показать себя значимым.

– Ну типа, – Марк прячет руки в карманы штанов, и Васька зачем-то повторяет его позу.

– Вась, ты чего пришел? – прищуриваюсь, чтобы понял меня, но он не понимает, дурачка из себя корчит:

– Так я это… ты вроде говорила починить чего надо.

Стоит такой гордый, как орел, и грудь выпирает. Важничает перед другим мужиком, а мне смешно до трагизма.

Марк помалкивает, но чувствую, как его рука случайно задевает поясницу, и это касание ощущается остро, до жжения по коже.

– Так три дня назад надо было. Мне уже Степан Григорьевич всё отремонтировал.

Васька нос сразу морщит от несправедливости, но сдается со вздохом, а на Марка бросает хищный взгляд, будто понять хочет: опасен ли соперник? И по зубам ли ему такой конкурент?

– Ну, ты зови, если что, я ж тут рядом, всегда готов помочь.

Едва не смеюсь, потому что «всегда рядом» он со сво-

им неизменно ломающимся трактором. Но киваю для приличия, а Васька подмигивает с игривостью, от которой меня аж передергивает. И надо ж было мне в этот момент бросить взгляд на Марка. Виду не подает, стоит с ровной спиной, взгляд вроде спокойный, только отчетливо звенит в нем что-то такое… Не ревность, но, может, некие спонтанные собственнические замашки.

Не знаю, как реагировать и правильно ли поняла. Может, сбрендила?

– Так я тогда, чего… пойду? – спрашивает, а в глазах четко блестит: «Может, чай попьем? Желательно наедине».

– Иди.

Даже рукой машу, не оставляя ему никаких вариантов. Уходя, он мечет в «конкурента» ядовитые стрелы, но Марк не робкий пацан, стойко выдерживает тяжелый взгляд. Тоже на прощание рукой машет. Мол: «Вали и не возвращайся больше».

– Ну что за клоун, – хмыкает он, как только Левко захлопывает калитку с той стороны.

Я хоть и согласна, но куда без подкола?

– Сам ты клоун. А Вася, между прочим, способен заплатить за комнату здесь, в отличие от некоторых.

Ирония настолько осязаемая, что Марк давится воздухом. Но сразу швыряет на меня откровенно испепеляющий взгляд, под которым я теряюсь на секунду. Есть в нем что-то узнаваемое… Да где мы виделись, черт подери?!

– Какой хороший Вася. Может, у него еще и зарядка на айфон найдется? – больно кусает в ответ, а я лишь с равнодушием пожимаю плечами.

– Не-а, у него даже не Тайп-Си.

Марк вздыхает так трагично, словно я ему сообщила о смерти любимой собаки.

– Что ж, – тянет сладко, и губы искривляются в хитрой улыбке, – значит, буду нагло пользоваться твоей гостеприимностью бесплатно.

Разумные слова застревают в горле, поэтому со дворика ухожу первой, словно меня ветер подтолкнул в сторону. А на самом деле хочу сбежать от той самой странной ноты в голосе Марка, что всколыхнула меня, как волна, способная смести берег моей непоколебимости. И еще его взгляд… нежный и жаркий, как июльский день. Не ожидала его увидеть у человека, в крови которого, по идее, одна сталь и презрение.

Что ты за человек, Марк Викторович? Одна сплошная загадка!

К счастью, в доме полно работы, и я сразу мчусь на кухню. Достаю фарш и зелень, подготавливаю себе муку. Замешивать тесто – это как мой личный антистресс, проверенный годами. Обожаю возню с тестом, и чем его сложнее сделать, тем мне больше в кайф. Но сегодня по плану пельмени, поэтому справляюсь довольно быстро. И только оборачиваюсь к столу… как подпрыгиваю от неожиданности с нервным вскриком.

– Марк! – пищу в легкой панике, ведь не ожидала увидеть его сидящим за столом.

Когда только пришел? Подкрался, как воришка, и сидел, затаившись, как мышка. На мое возмущение пожимает плечами, мол: «А что мне еще делать без телефона и интернета?».

Наверное, чисто из вредности «прячу» от него ноут. Как и умалчиваю, что в моей комнате сеть ловит лучше всего. Сама себя не понимаю в этот момент. Идеально же, если Марк свяжется с кем-то и ему привезут зарядку, а заодно и кошелек с деньгами. Но я до сих пор изображаю из себя дурочку и даже свой телефон не предлагаю ему, чтоб не свалил раньше времени.

Зачем?.. Есть в нем что-то, что не дает покоя на уровне подсознания. И я капец как хочу разгадать эту загадку.

Глава 9

Пока вожусь с фаршем, Марк вдруг напоминает о себе:

– Милая хозяйка, – натягиваюсь вся, как струна, – может, тебе помощь нужна?

Без издевки или хитрости, просто вежливость. Фыркаю, но поворачиваюсь к нему лицом.

– Ты? – вытягиваю бровь так, словно я режиссер и тщательно отбираю актера на главную роль. – Помочь мне? В этом… луке?

Повисает минутное молчание, после которого Марк с озадаченным видом осматривает себя. Долго, пристально, словно свежее мясо на базаре выбирает.

– А что не так?

– Ты только посмотри на себя: белоснежная рубашка, золотые запонки, галстук, который стоит как две коровы. И в таком виде ты правда хочешь вместе со мной лепить пельмени? Да ты же испачкаешься уже через две минуты!

Марк замирает на секунду, и мне кажется, что он прогоняет мои слова через собственный бизнесменский фильтр. Все правильно – оцени риски и свали куда-то. Ну, я немного погорячилась, конечно, но ведь и правда – ну куда ему лезть в готовку? Только продукты мне испортит!

Но что он, черт возьми, делает в итоге?!

С немым шоком наблюдаю, как его рука медленно, но уве-

ренно тянется к галстуку. А уже в следующую секунду одним резким движением снимает его и откидывает на спинку стула. Что… что это было?!

Моргаю в неверии, потому что шоу еще не закончено! Теперь он со скоростью улитки расстегивает рубашку. Первая пуговица, вторая… и где-то на середине я уже моргаю слишком активно, ведь происходящее кажется бредом воспаленного подсознания. Но таким чертовски знакомым…

Тем не менее Марк двигается спокойно, будто не стриптиз мне тут устраивает, а ведет деловые переговоры. Громко сглатываю, когда белоснежная ткань соскальзывает с широких плеч, а затем оказывается на стуле. И вот он стоит передо мной, одетый только в штаны, сверкая голым торсом безо всякого стеснения, как произведением искусства в музее.

– Так лучше?

Уточняет обыденно, а я в этот момент зависла, как ноут в режиме «синего экрана смерти». Лучше? Да это стало хуже настолько, что мне уже звонок из налоговой не так страшен. Стоит тут весь такой серьезный, словно модель нижнего белья. Уверенно держится передо мной, точно зная, какой эффект производит.

Я буквально чувствую, как на кухне резко повышается градус. Дыхание перехватывает, пока глаза жадно шарят по гладкой коже. Тупо пялюсь на то, как при движении перекатываются мышцы, и сердце тут же делает нервный кульбит. Боже, Соня, не тупи, скажи хоть слово! Но рот-предатель…

горло пересохло, и губы совсем не шевелятся.

– М… да… то есть… нет… вернее… – да, Соня, ты прямо мастер красноречия!

Ловлю лукавую ухмылку Марка и мысленно отвешиваю себе подзатыльник. Соберись, тряпка!

– Я имею в виду… – пытаюсь собраться, но взгляд сам по себе ныряет чуть ниже пупка.

Задерживаюсь там дольше положенного, но в итоге титаническими силами возвращаю шаловливые глаза на место. Марк склоняет голову и рассматривает меня с интересом, будто под микроскопом изучает.

– Ты… мог бы и предупредить перед тем, как сделать вот это… – машу пальцами в воздухе, боясь сказать лишнее.

Я тупо не доверяю себе больше!

– А что я сделал? – удивленно бровь поднимает и добавляет спокойно: – Снял лишнюю одежду, чтобы было удобнее лепить пельмени.

И ладно бы он говорил двусмысленно, но голос до омерзения деловой. Что бесит и заводит одновременно. Чертов мужик, откуда ты свалился на мою голову?! Так, надо срочно что-то придумать, пока не сгорела на собственной же кухне от мужской харизмы.

– Точно! – вовремя во мне включился спасательный режим. – Стой тут, – командую, но голос выходит не настолько твердым, как хотелось бы.

– Да как скажешь, – ухмыляется, но стоит как солдат на

вахте.

Убегаю из кухни поспешно и врываюсь к себе. Роюсь в шкафчике, нахожу спортивный костюм, что когда-то покупала для Степана Григорьевича. Он влез только в штаны, и то до половины. Эх, не рассчитала с размером. Но Марку, вероятно, подойдет. Не иду сразу, дышу свежестью в комнате, потому что на кухне слишком тяжелый воздух. А во мне так и клокочут эмоции, толкая на греховные мысли.

Остыв и успокоившись, выхожу к нему, сразу даю в руки одежду, чтобы хоть немного прикрылся. Зараза!

– Переоденься в это, незачем мне тут бесплатное шоу устраивать. Пока я не… – прикусываю язык, но Марк уже всё услышал.

Подкрадывается сзади и шепчет над ухом:

– Пока ты не… что? – ох, этот будоражащий шепот…

Пока я не влипла в огромные неприятности! Но в ответ лишь швыряю в него упреки. Отскакиваю подальше от мужика и от его сладкого запаха, что дурманит разум похлеще игристого. Приходится вернуться к столешнице, но жар, что ранее растекся по венам, вспыхнул с новой силой. Дышу урывками, а краем глаза замечаю, как Марк со скепсисом рассматривает спортивный костюм.

– Правда считаешь, что в этом мне будет лучше? – так и намекает на голый торс, но не покупаюсь больше на этот трюк.

– Ну, извини, не из модного бутика, и цена ему почти три

копейки. Зато практичный, и если испачкается, то не жалко.

– Ну ладно, как скажешь.

– Эй! – ору в панике, едва его рука дотрагивается до ремня на брюках. – В своей комнате переоденься!

– Ой, да что ты там не видела… – цокает языком, но уходит с громким вздохом.

– Да как бы… я там ничего не видела! – ору ему вслед, а ответом мне становится тихое:

– А говорят, что у женщин память хорошая.

Бред какой-то! Но вздыхаю и, обмахнувшись ладонью, возвращаюсь к тесту. Пока Марк отсутствует, мигом успокаиваюсь и успеваю раскатать несколько кружков, но едва он снова появляется на кухне… то так и зависаю со скалкой в руках.

Только не ржать! Не ржать! Ай, да к черту! Срываюсь в дикий хохот аж до брызнувших слез. Взгляд мутный, но замечаю, как Марк скрещивает руки на груди, и без того узкая, короткая кофта натягивается на нем так, что едва по швам не трещит.

– Я так понимаю, костюм предназначался подростку? – хмыкает, указывая на штаны, которые ему чуть ниже колена, и короткие рукава кофты.

Ну правда, в таком прикиде он кажется местным дурачком, но ведь вижу в этом великолепии его только я!

– Прости… – стону через смех и слезы, пытаясь взять себя в руки. – Я думала, ты влезешь…

– Ну так влез же, – спокойно констатирует он, усаживаясь за стол. – Хватит ржать, давай сюда свои пельмени.

Не могу прекратить, в голове так и крутится мысль, что Марк украл штаны у девятиклассника! Но, черт возьми, даже в этом нелепом наряде он выглядит слишком очаровательно. От умиления щемит в груди, но тут же одергиваю себя. Соберись! А то ты сейчас еще начнешь влюбляться в него тупо из-за кофты длиной до пупка.

Наконец ставлю перед ним миску с фаршем, смиренно подключая к благому делу. Но Марк смотрит на нее так, словно внутри – загадка с пометкой «разгадай или умри». Кладу уже подготовленное тесто и усаживаюсь рядом.

– Берешь кружочек, – комментирую для него свои действия, просто чтобы снять собственное напряжение. – Кладешь в него фарш, а потом вот так лепишь.

– Ага. Звучит довольно просто.

Берет кружочек теста и мнет его как-то уж слишком аккуратно, как хрупкую вазу стоимостью в миллион.

Пока он пыхтит над пельменем, я вдруг перестаю замечать нелепый костюм, ведь внимание притягивают длинные пальцы, уверенные движения и довольно интересное выражение лица. Словно Марку впервые дали почувствовать нечто простое, но теплое и уютное. Домашнее.

– Ну как? – спрашиваю с интересом, пока Марк старательно залепляет края.

– Чувствую себя как на производственной практике, –

ворчит, пока демонстрирует мне свою первую попытку.

Глава 10

Оба смотрим на пельмень размером с кулак, залепленный слишком небрежно.

– Это… – умолкаю под предупреждающим взглядом мужчины.

– Не смей! – он даже прищуривается, уже разгадав мои мысли.

– Ну… ты… старался… – последнее практически выдавливаю из себя, отчаянно пытаясь не рассмеяться.

Но Марк удивляет: он фыркает и неожиданно хохочет так открыто, что его лицо кажется мне почти мальчишеским. Внутри отзывается таким же весельем, но я стараюсь гасить в себе зачатки ненужных чувств. Они здесь не к месту!

– Смотри и повторяй за мной. Кладешь начинку… соединяешь края…

Он наклоняется слишком близко, касаясь плечом моего, и меня тут же прошибает током. Жар несется по венам, разливаясь теплом и проникая в самые потаенные уголки. Сглатываю нервозность, но продолжаю лепить, будто со мной ничего не происходит. Марк тоже молчит, но его дыхание – неровное и жадное, словно он тоже пытается совладать с собой.

И я осознаю вдруг, что мы сидим вдвоем на кухне под светом лампы, с мукой на руках, создавая вокруг почти осязае-

мый уют. Забавно: за много лет я впервые чувствую себя не одинокой хозяйкой мини-отеля в глубинке, а просто… женщиной, рядом с которой мужчина, способный ради любимой перевернуть весь мир.

Трясу головой, чтобы прогнать эту опасную атмосферу, и сосредотачиваюсь на работе Марка.

– У тебя получается, – и правда, вторая попытка почти идеальна.

Он улыбается мне, выкладывая пельмень на доску.

– По-моему, для второго раза вполне себе хороший результат.

Зависаю от ощущения, что слова прозвучали двусмысленно. Но отмахиваюсь и продолжаю привычное дело. Уютный момент быстро проходит, но не исчезает полностью, а зависает над нами, как снежное облачко перед вьюгой.

– Ну что, Солнечная хозяйка, – тянет игриво, когда наша работа подходит к концу. – Как считаешь, сегодня я честно отработал свое проживание?

«Солнечная хозяйка»… Это… довольно мило.

– Почти, – выпаливаю спешно, пряча дрожь в голосе. – Я даже готова обсудить с тобой скидку, если завтра снова подоишь козу.

Марк тихо смеется, а у меня в который раз екает сердце. Я сбита с толку и растеряна от чувств, которые во мне уверенно будит этот человек. Уж лучше бы ты, Марк Викторович, и дальше дерзил, потому что твоя «вторая сторона» слишком

больно задевает струны моей израненной души.

– Что ж, отлично. Завтра снова подоим твою козу.

– Ты подоишь! – упрямо настаиваю, замечая, как в глазах мужчины закручивается жаркий тайфун.

– Окей, я это сделаю.

Подмигивает и встает, стряхивая муку с ладоней. Проходя мимо, на секунду задерживает взгляд на моих глазах – будто может прочесть всё, что я прячу за смешками и отговорками. Ничего не говорит, долго что-то рассматривает, вгоняя меня в краску. А затем просто качает головой с ленивой улыбкой. С опасной, но теплой, которая пугает сильнее, чем всё его ехидство в первый день.

Когда он уходит, кухня пустеет на глазах, и мне вдруг становится холодно до дрожи. Одиночество всегда было для меня в порядке вещей, но почему-то прямо сейчас оно кажется противным до зубовного скрежета.

Смотрю на аккуратные ряды пельменей и фальшиво улыбаюсь им, а сама почти распадаюсь изнутри на атомы. Подумать только, я шесть лет строила вокруг сердца бетонную стену, но Марку оказалось достаточно просто появиться на пороге, чтобы по бетону пошла жирная трещина.

Не знаю, что будет завтра или когда он уедет, но… Ты уже влипла в крупные неприятности, Соня!

Марк

Спускаюсь на кухню, ведомый сладким запахом выпечки. Вообще, мой завтрак за последние годы – это двойной эс-

прессо. Но за прошедшие три дня мои вкусовые предпочтения изменились слишком очевидно. Хотел я того или нет, упрямая женщина буквально впихивала в меня пироги и другую, более полезную еду. Раскармливала меня, как бабка внука!

– О, доброе утро! – щебечет Соня, летая по кухне, как маленькая фея. – Присаживайся, у меня почти всё готово.

Она и правда низкого роста, не выше метра шестидесяти. Но такая… компактная и забавная, что на лице против воли расплывается усмешка. И я, как послушный щенок, усаживаюсь за стол, а через минуту передо мной уже духовые пирожки и чай. Чай, Дорошин! Дожил…

Хорошо с ней рядом, спокойно. А после идиотской лепки пельменей мы, совершенно очевидно, сблизились сильнее, чем мне того хотелось бы. Вчерашний день стал переломным в моей слаженной системе. Не успел моргнуть, как понял вдруг, что снова с отчаянием хочу целовать эту женщину, будто она – единственный ключ доступа к важным функциям моего сердца.

Произошла дурацкая ситуация: я поскользнулся на мокрой земле и, падая, сам не понял, как ухватил Соню за руку. Естественно, мы упали «мордой в грязь» вместе. Я спиной на твердую землю, а малышка – прямо на меня. И вот когда она нависла надо мной, всё вокруг реально замерло. В её глазах было столько всего: и страх, и надежда, и что-то еще, что сидело в ней настолько глубоко, что я не смог разгадать.

Но искусился моментом!

Брать то, что само плывет в руки – моё жизненное кредо уже более десяти лет. Но Соня явно не игрушка. Ей, как бы смешно это ни звучало, вообще от меня ничего не нужно. Даже долбаные деньги за проживание! Этим она поделилась со мной вчерашним вечером, когда мы уютно болтали у камина практически ни о чем.

– Я передумала насчет скидки, – бросила она с легкой усмешкой, а я наблюдал, как отблеск огня играет в её глазах.

– Плохо отработал? – выгнул я бровь, но тут же добавил с игривостью: – Если что, во мне еще скрыто много разных талантов, просто опробуй меня.

Подмигнул, намекая на двусмысленность, а она будто и не поняла.

– Наоборот. – Обернувшись ко мне, Соня посмотрела прямо в глаза.

В её взгляде горела искренность, пропитанная сиропом уверенности.

– Хочу, чтобы у тебя остались о «Солнечной долине» хорошие воспоминания. Живи сколько хочешь, я с тебя и копейки не возьму. Может, покажется странным, но я четко вижу, что тебе этот отдых был жизненно необходим.

Я замолчал, словно истратил все аргументы в споре. Нужно было что-то сказать, а у меня горло сжимало болезненным спазмом от её

печальной улыбки. Как я сдержался и не повалил малыш-

ку прямо там, на пушистом ковре возле камина – сам не понимаю. Остановил себя за секунду до катастрофы и просто… молчаливо кивнул.

А утром понял, что уже не я с ней играю, а она умело надавливает на клавиши моей мужской выдержки. Не ради выгоды, а потому что искренна – и это сбивает с толку. Сшибает, как КАМАЗом легковушку на полной скорости! Поэтому, Марк, возвращайся обратно с небес на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.